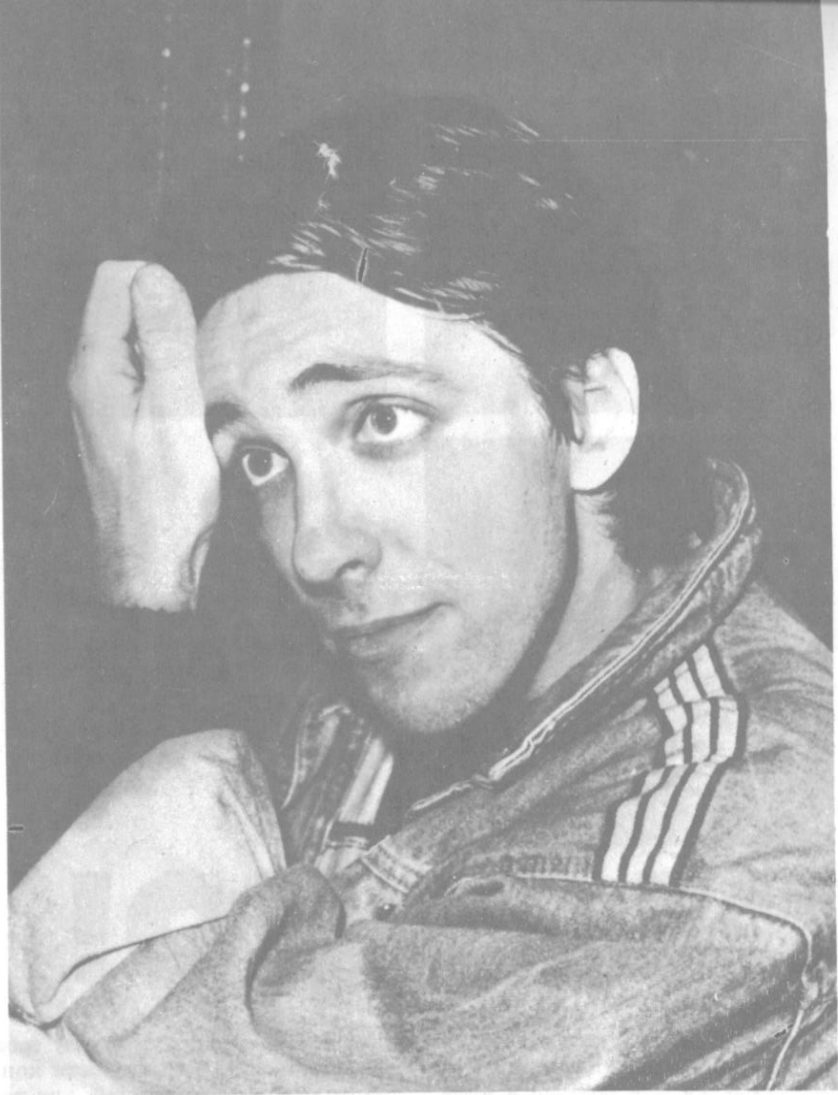

ВВЕДЕНИЕ В ПОП- МЕХАНИКУ

● С60 28241 009

СЕРГЕЙ КУРЁХИН. Полинезия. Введение в историю.
Звукорежиссер А. Докшин. Редактор И. Рябова.

О том, что Сергей Курёхин — своеобразная и в чем-то противоречивая фигура на нашей сегодняшней сцене, уже говорилось неоднократно. О какой бы стороне его творчества ни шла речь, всегда находят, чему удивляться. Оригинальны его взгляды на музыку, необычна техника и манера игры на рояле, а что касается концертов, то здесь, как говорится, слабонервным следует хорошенько подумать перед тем, как войти в зал, где намечено выступление его «Поп-механики».

Есть немало удивительного и в том, как складываются отношения Курёхина с грамзаписью. Думаю, что не сделаю ошибки, если отнесу этого молодого музыканта к числу самых ярких «звезд» в отечественном джазе 80-х годов. Однако напрасно мы будем искать в каталоге «Мелодии» его авторскую пластинку. Вот если собрать все вместе диски, выпущенные на Западе, — получится солидная пачка, что же касается «Мелодии», то она

упорно обходила Курёхина вниманием. И все же знаменательный момент, похоже, настал.

Иногда просто диву даешься, как многолик и разнообразен по своим творческим устремлениям может быть человек. Отдельного разговора заслуживает вклад Курёхина в развитие авангардного джаза, много интересно он сделал в стенах ленинградского рок-клуба (пора нам, наверное, признать и эту его заслугу), наконец, Курёхин является изобретателем нового жанра, новой театрально-концертной «формулы», по которой (пока в единственном экземпляре) построена его неповторимая «Поп-механика». Пластинка «Мелодии», которая вот-вот должна появиться на прилавках, знакомит нас с опытами музыканта в области авангардного джаза, так что мы не будем растекаться мыслью по древу и взглянем на его творчество под джазовым углом зрения.

Впервые Сергей Курёхин обратил на себя внимание любителей и знатоков джаза в 1978 году, когда он появился в составе квартета Анатолия Вапирова. Сам Вапиров склонялся тогда к музыке программной и многозначительной, и Курёхин ненадолго попал под его влияние (помню, как он ставил

перед собой на пульт картину и с небольшой долей серьезности — почти как Леонид Чижик — пытался воплотить ее в звуке). Однако это продолжалось недолго; уже в начале 80-х годов квартет выступал с программой потешных музыкальных шаржей на известных мастеров джаза (справедливости ради, отметим, что вместе с Вапировым Курёхин попал-таки на пластинку «Мелодии» — «Линии судьбы» — как, кстати, записывался он и с группой «Аквариум», но об этом в другой статье). С Вапировым и без него Курёхин играл во многих подвижных, спонтанно возникающих ансамблях; к этому же времени относятся и его попытки создать оркестр новой импровизационной (или попросту «сумасшедшей», как предпочитали говорить его участники) музыки.

14 апреля 1984 года (удивительно, но можно указать не только имя создателя, но и точную дату) Курёхин предъявил миру новый музыкальный жанр, а может быть, даже новое направление в музыке — «Поп-механику».

«Поп-механика» — это грандиозное сценическое действие, которое не имеет никаких художественных ограничений или запретов, гигантский

музыкальный водоворот музыкантской музыкантской ансамбли, цовщиков, нец. «Мех: нелегко н участники образуется тение стар неведомог слышанные привычку времени», ливаются г бесшабашн

Чисто д: программы леки от эти же непри юмор, отви у официаль но ощущак

Первую нимаает сол визация Се им «Введе вспомнить, в грамзапис нист-солист сять лет на: ма «Leo R6 диска, не б главленные ,говоренный ственное м хина» было скому фри- лась тогда строения, г неповторим Сегодня му по-другому: интонациям ские циклы ную отреше рефлексия.

Открыва я назвал б лекции на те в истории». тервью Курё вался над ме стов, отмеч живописных ращений: та «пики, кони, на, укачиваюи то рядом к «Введение в нил эти пол пианиста, и всего потому ной музыке : эти самые «н пульсирующе раций челс предстает ог муравейнико жизнь», как Толстой). Пиа нас поднялся птичьего полн как внизу прс эпохи, форм изображена

музыкальный винегрет, стремительный водоворот, вовлекающий в себя рок-музыкантов, исполнителей классической музыки, джазменов, бардов, музыкантов-любителей, фольклорные ансамбли, поэтов, художников, танцовщиков, клоунов, животных, наконец. «Механика» такого шоу сложна и нелегко налаживается, но там, где участники чувствуют друг друга, где образуется это неповторимое переплетение старого и нового, знакомого и неведомого, привычные, тысячу раз слышанные номера утрачивают вдруг привычную определенность «места и времени», обретают свободу и переливаются всеми красками в ответах бесшабашного карнавала.

Чисто джазовые, инструментальные программы Курёхина, конечно же, далеки от этих шумных спектаклей, и все же непринужденность, дерзость и юмор, отвоеванные «Поп-механикой» у официальной сцены, всегда подспудно ощущаются и в них.

Первую сторону диска целиком занимает сольная фортепианная импровизация Сергея Курёхина, названная им «Введение в историю». Следует вспомнить, что и самые первые шаги в грамзаписи Курёхин сделал как пианист-солист; произошло это почти десять лет назад, когда лондонская фирма «Leo Records» выпустила два его диска, не без претензии и риска озглавленные «Пути свободы» и «Приговоренный к молчанию». Художественное мышление «раннего Курёхина» было во многом близко европейскому фри-джазу, но его игра отличалась тогда тонкими оттенками настроения, поэтической меланхолией, неповторимым ощущением формы. Сегодня музыкант играет уже совсем по-другому: на смену фри-джазовым интонациям пришли минималистические циклы и модули, а созерцательную отрешенность сменила ирония и рефлексия.

Открывающую диск композицию я назвал бы звуковой параллелью лекции на тему «роль масс и личности в истории». В одном из своих интервью Курёхин добродушно посмеивался над манерой иных наших пианистов, отмечая в их пьесах избыток живописных картин и сюжетных превращений: так и видятся, говорил он «пики, кони, а затем одинокая женщина, укачивающая своего ребенка, а где-то рядом крадется враг... Слыша «Введение в историю», я вдруг вспомнил эти полусуточные размышления пианиста, и произошло это прежде всего потому, что и в его собственной музыке то и дело «выскакивают» эти самые «кони и пики». В нервной, пульсирующей ткани циклических вариаций человеческое сообщество предстает огромным потревоженным муравейником или ульем («роевая жизнь», как любил говаривать Лев Толстой). Пианист словно приглашает нас подняться вместе с ним на высоту птичьего полета и наблюдать оттуда, как внизу проносятся страны, народы, эпохи, формации — «роль масс» изображена с эйзенштейновской ки-

нематографичностью, выявлена через суматоху, свету и смятение. Самоирония достигает у Курёхина апогея, когда он наконец переходит к «теме личности» — она возникает как грозная педаль, как аккорды бетховенской «судьбы», не возвещающая на горизонте муравьиной жизни ничего хорошего.

Во «Введении в историю» много по-настоящему изящных эпизодов. Настоящая находка пианиста — одновременное использование двух роялей, обычного и препарированного. Впервые звучание обычного и подготовленного инструментов «столкнул» Игорь Бриль (в альбоме «Перед заходом солнца»), пытаясь, как мне кажется, создать образ сети, в которую попали птицы; или, может быть, сломанного крыла (пьеса называлась «Танец чаек»). Однако это было сделано мимоходом. Курёхин трактует препарацию буквально: он постоянно напоминает, что мы имеем дело со связанными, зажатыми, утратившими свободу колебаний, лишенными полноты звучания струнами. Препарированный рояль — это струны, превращенные в проволоку. Они образуют как бы второй мир в его повествовании — муравейник, в котором звучат те же темы, те же мотивы и циклы, только шепотом, вполсилы, с неотъемлемой интонацией жалобы и тоски.

Со мной могут не согласиться, но сольная пьеса Курёхина, попавшая на пластинку, фиксирует одно из немногих выступлений пианиста, во время которого он большей частью сосредоточен и серьезен, во всяком случае не переходит той черты самопародирования, из-за которой искренние послания уже не долетают до слушателя. Что меня поразило в этом двадцатиминутном фрагменте, так это щедрость и изобретательность музыканта — признаюсь, я не наблюдал такого стремительного фейерверка идей даже у самых прославленных мастеров импровизации.

Вторую сторону пластинки занимает пьеса «Введение в культуру». Жанр этого импровизационного коллажа я определил бы, как «введение в поп-механику» (кстати, так называется один из альбомов Курёхина, выпущенный на Западе и перекликающийся по концепции с тем, что звучит на нашей пластинке), — переплетение псевдо-авангардных фактур с различного рода музыкальными банальностями: вальсиками, маршиками, полечками. «Введение в поп-механику», как мне кажется, представляет собой музыкальную проекцию того же современного мифа, который лучше всего известен нам по «Собачьему сердцу» Булгакова. Это история сомнительной прививки, безответственного оплодотворения, которое дает непредсказуемый результат. Разница в том, что сама модель «поп-механики», описанная Булгаковым, является более страшной и трагической. Курёхин же наблюдает вокруг себя манипуляторство более мелкое, инертное и даже комичное, а главное — все реже приносящее, а главное — все реже приносящее плоды.

плоды.

«Введение в культуру» (я думаю, читатель сам без труда увидит возможные варианты расшифровки этого названия — от возвышенных до скабрёзных) — это трагикомическое повествование о синтетическом произведении искусства, которое создается одним махом и в котором проявляет себя национальное и общечеловеческое, современное и заимствованное из «сокровищницы прошлых эпох». Музыканты (к Курёхину присоединяется московский саксофонист Сергей Летов) как бы показывают, чем реально обернется — и оборачивается — самонадеянность «селекционеров», полагающих, будто различные жанры и стили, традиции и эпохи будут «соединяться по любви», а от свадьбы этой произойдет невиданное по красоте и силе потомство (как должны были когда-то у Лысенко бракосочетаться рожь и пшеница...)

Делая «культуру» своим объектом, каждый из импровизаторов надевает маску первобытной наивности. Так в основу программы, исполняемой дуэтом, закладывается принцип архаической эстетики: «что вижу, о том и пою». Саксофонист Сергей Летов, кстати, часто говорит о характерном для нового джаза способе отражения действительности и даже в свое время написал по этому поводу статью. Названный принцип вполне оправдан в фольклоре хотя бы потому, что отражаемый предмет там привычен и естествен, легко и беспрепятственно переводится в нехитрый строй мажорной пентатоники. Современный человек, как известно, буквально тонет в том мире, «который видит и о котором поет». Отсюда беспорядочность курёхинских коллажей, громоздящих друг на друга штампы массовой культуры. У Летова тот же принцип ведет к буквализму и иллюстративности: мы слышим, как в его импровизации влетается плач, хихиканье, безумный вопль, прерывистое дыхание интимной сцены.

Какой бы интересной ни была новая пластинка и как бы ни радовались ей любители музыки, — она все-таки не удовлетворяет главного интереса к Сергею Курёхину, который больше известен как руководитель, вдохновитель и идеолог «Поп-механики». Вероятно, мы живем в такое время, когда нетерпение дает о себе знать сильнее, чем все остальные чувства. Держа в руках новенький, пахнущий краской альбом ленинградского пианиста, я уже мечтаю о том дне, когда «Мелодия» выпустит наконец и записи его главного детища. «Поп-механика» интересует сегодня всех — молодежь и людей среднего возраста, поклонников рок-музыки и заядлых почитателей джаза. Поэтому я от души надеюсь, что записи этого легендарного оркестра все-таки придут к нам в дом сейчас, на волне его популярности, а не будут дожидаться на полке пресловутой «проверки временем».

Андрей СОЛОВЬЕВ